

Аустерлицкое сражение
на страницах романа
Л.Н. Толстого

«Война и мир»

До завтрашнего вечера вся эта
(руско-австрийская) армия будет
МОЯ.

Сражение, произошедшее в начале зимы 1805 года под Аустерлицем – городком в Моравии, - окончательно закрепило за Наполеоном славу одного из величайших полководцев в истории, выдающегося тактика и стратега. Вынудив русско-австрийскую армию «играть по своим правилам», Наполеон сначала поставил свои войска в оборону, а затем, выждав удачный момент, нанес сокрушительный контрудар и разгромил противника.

Силы сторон

Союзная армия насчитывала 85 тыс. человек (60-тысячная армия русских, 25-тысячная австрийская армия с 278 орудиями) под общим командованием генерала М. И. Кутузова.

Армия Наполеона насчитывала 73.5 тыс. человек. Демонстрацией превосходящих сил Наполеон опасался испугать союзников. Кроме того, предвидя развитие событий, он считал, что и данных сил будет достаточно для победы.

Наполеон использовал кажущуюся слабость своей армии, так как это лишь добавляло решимости советникам императора Александра I. Его адъютанты князь Петр Долгоруков и барон Фердинанд Винцингероде - убеждали императора, что теперь русская армия, возглавляемая Его Императорским Величеством, вполне способна разгромить самого Наполеона в генеральном сражении. Это было именно то, что хотел услышать Александр I.

Военный совет накануне сражения

Непопулярность, бессмысленность кампании 1805—1807 годов особенно правдиво раскрыты Толстым в картинах подготовки и ведения Аустерлицкого сражения. В высших кругах армии считали, что это сражение необходимо и своевременно, что Наполеон боится его. Только Кутузов понимал, что оно не нужно и будет проиграно.

Иронически описывает Толстой чтение австрийским генералом Вейротером придуманного им плана битвы, по которому «первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует...», а возможные действия и движение противника не учитываются.

На военный совет перед Аустерлицким сражением собрались все начальники колонн, «за исключением князя Багратиона, который отказался приехать». Толстой не объясняет причин, побудивших Багратиона не явиться на совет, они и так ясны. Понимая неизбежность поражения, Багратион не хотел участвовать в бессмысленном военном совете.

На совете происходит столкновение не мнений, а самолюбий. Генералы, каждый из которых убежден в своей правоте, не могут ни сговориться между собой, ни уступить один другому. Казалось бы, естественная человеческая слабость, но принесет она большую беду, потому что никто не хочет видеть и слышать правду.

Поэтому Кутузов на совете не притворялся — «он действительно спал», с усилием открывая свой единственный глаз «на звук голоса Вейротера».

Понятно и недоумение **князя Андрея**. Его ум и уже накопленный военный опыт подсказывают: быть беде. Но почему Кутузов не высказал своего мнения царю? «Неужели из-за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч и моей, моей жизнью?» — думает князь Андрей.

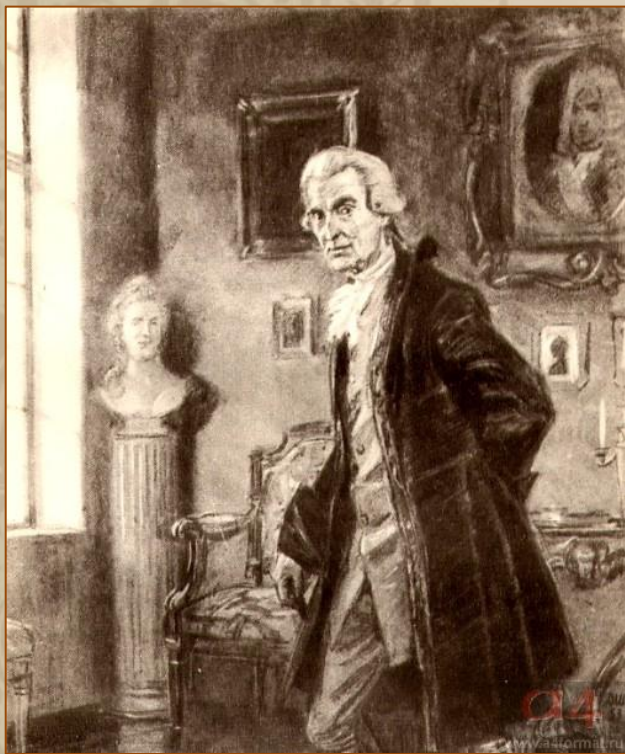
В нем говорит сейчас то же чувство, с которым Николай Ростов в Шенграбенской битве бежал к кустам: «Убить меня? Меня, кого так любят все!»

Но разрешаются эти мысли и чувства князя Андрея иначе, чем у Ростова: он не только не бежит от опасности, но идет к ней навстречу.

Князь Андрей не мог бы жить, если бы перестал уважать себя, если бы унизил свое достоинство. Но, кроме того, в нем есть тщеславие, в нем живет еще мальчик, юноша, который перед сражением заносится мечтами далеко:

«И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он... Он твердо и ясно говорит свое мнение... Все поражены... и вот он берет полк, дивизию... Следующее сражение выиграно им одним. Кутузов сменяется, назначается он...»

Четверть века назад статный красавец князь Николай Болконский под Чесмой или Измаилом мечтал о том, как наступает решительный час, Потемкин сменяется, назначается он...

А через пятнадцать лет худенький мальчик с тонкой шеей, сын князя Андрея, увидит во сне войско, впереди которого он идет рядом с отцом, и, проснувшись, даст себе клятву: «Все узнают, все полюбят меня, все восхитятся мною... я сделаю то, чем бы даже он был доволен...» (Он — это отец, князь Андрей.)

Болконские тщеславны, но мечты их — не о наградах: «Хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими...» - думает князь Андрей перед Аустерлицем.

Князь Николай Андреевич Болконский.
Художник Д.Шмаринов.

Николенка Болконский. Художник В. Серов

Князь Андрей на
Праценской горе.
Художник А.
Николаев

Здесь, на Праценской горе, почти в бреду, князь Андрей переживет минуты, которые во многом изменят его жизнь, определят все его будущее. Он услышит голоса и поймет французскую фразу, сказанную над ним: — «Вот прекрасная смерть!»

«Князь Андрей понял, что это было сказано о нем и что говорит это Наполеон... Он знал, что это был Наполеон — его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило между его душой и этим высоким бесконечным небом с бегущими по нем облаками...»

Князь Андрей со знаменем в руках в атаке под Аустерлицем. Художник В. Серов. 1951–1953

В сценах Аустерлицкого сражения и предшествующих ему эпизодах преобладают обличительные мотивы. Писатель раскрывает антинародный характер войны, показывает преступную бездарность русско-австрийского командования. Не случайно Кутузов был по существу отстранен от принятия решений. С болью в сердце полководец признавал неизбежность поражения русской армии.

Между тем кульминационный момент в изображении Аустерлицкого сражения — героический. Толстой показывает, что поражение при Аустерлице было позором русско-австрийского генералитета, но не русских солдат.

Николай Ростов, влюбленный в царя, мечтает о своем: встретить обожаемого императора, доказать ему свою преданность.

Но встречает он Багратиона и вызывается проверить, стоят ли французские стрелки там, где вчера стояли.

«Багратион закричал ему с горы, чтобы он не ездил дальше ручья, но Ростов сделал вид, как будто не слышал его слов, и, не останавливаясь, ехал дальше и дальше...»

Над ним жужжат пули, в тумане раздаются выстрелы, но в душе его уже нет страха, владевшего им при Шенграбене.

Во время сражения на правом фланге Багратион делает то, что не удалось сделать Кутузову вблизи царя, — оттягивает время, чтобы сохранить свой отряд. Он посылает Ростова найти Кутузова (а Николай мечтает — царя) и спросить, пора ли вступать в бой правому флангу. Багратион надеялся, что посланный вернется не раньше вечера...

До сих пор мы видели битву глазами князя Андрея, который с горечью понимал, что происходило перед ним. Теперь Толстой передает наблюдательную позицию ничего не понимающему, восторженному Ростову.

Ростов уже чувствует безумие происходящего. Как ни мало он опытен, но, услышав «впереди себя и позади наших войск... близкую ружейную стрельбу», думает: «Неприятель в тылу наших войск? Не может быть...»

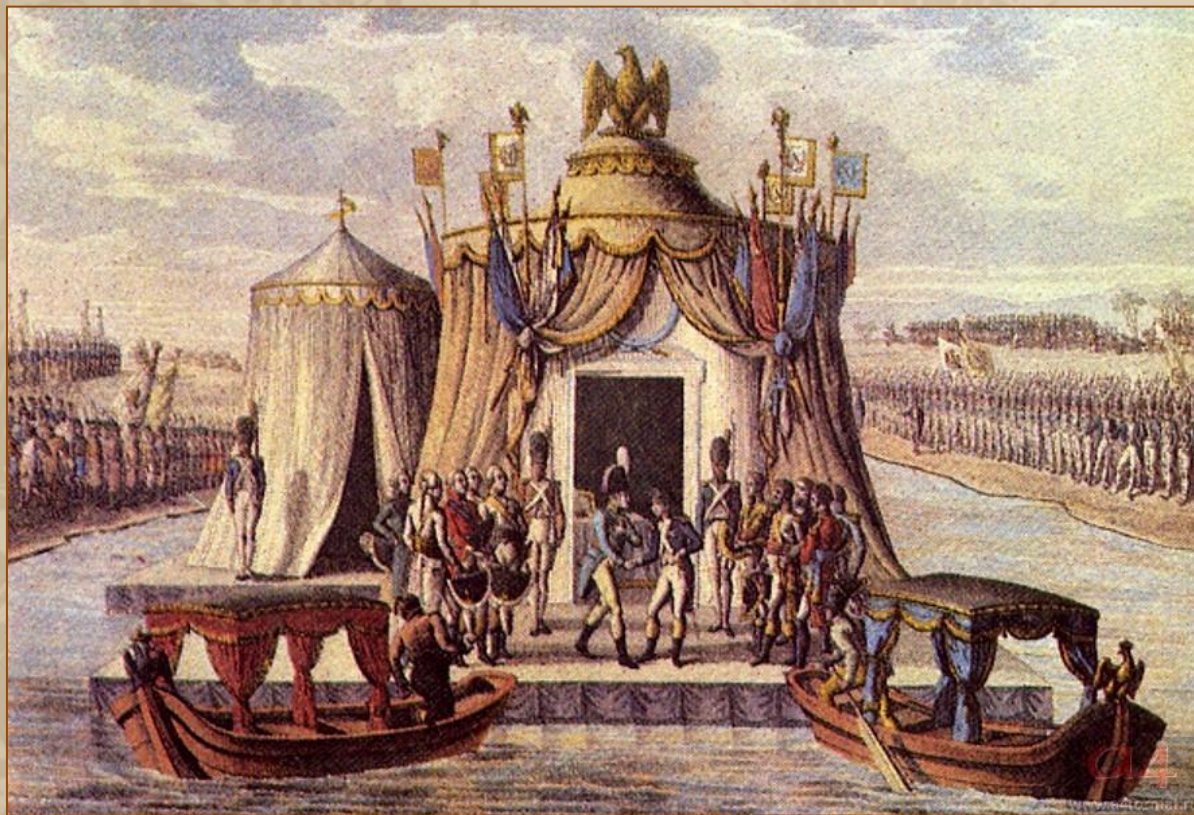
Вот здесь-то в Ростове просыпается мужество.

«Что бы это ни было, однако, - подумал он, - теперь уже нечего объезжать. Я должен искать главнокомандующего здесь, и ежели все погибло, то и мое дело погибнуть со всеми вместе».

«Ростов задумался и поехал именно по тому направлению, где ему говорили, что убьют».

Ему жалко себя — как было жалко при Шенграбене. Он думает о матери, вспоминает ее последнее письмо и жалеет себя за нее... Но все это — иначе, не так, как было при Шенграбене, потому что он научился, слыша свой страх, не слушаться его. Он все едет вперед, «уж не надеясь найти кого-нибудь, но для того только, чтобы перед самим собою очистить свою совесть», и внезапно видит своего обожаемого императора — одного, среди пустого поля, и не осмеливается подъехать, обратиться, помочь, показать свою преданность.

Да и в самом деле, о чем теперь спрашивать, когда день идет к вечеру, армия разбита, и

Свидание двух
императоров в
Тильзите. Гравюра
Лебе с оригинала
Наде, 1810-е

Изображая военные действия 1805—1807 и исторических персонажей — императоров и военачальников, писатель критикует лживую государственную власть и людей, самонадеянно пытавшихся влиять на ход событий.

Военные союзы, заключенные в 1805-1811, он считал чистым лицемерием: ведь за ними скрывались совершенно иные интересы и намерения. «Дружба» между Наполеоном и Александром I не могла предотвратить войну. По обе стороны русской границы скопились огромные войска — и столкновение двух исторических сил оказалось неизбежным.

Уважаемый коллега!

Вы скачали данный материал с сайта анисимовасветлана.рф. Если вы пожелаете, то можете вернуться и:

- поблагодарить и пожелать успехов в работе;
- выразить замечания, указать на недочеты.

Если вы также, как и я, являетесь владельцем блога, то в комментарии вы можете оставить на него ссылку. Это принесет пользу не только мне, вам, но и другим посетителям моего блога, которые таким образом узнают о существовании вашего интернет-ресурса.

Помните: читая и комментируя блоги коллег, мы способствуем созданию профессионального сетевого учительского сообщества!

Успехов вам!